

Содержание

Сказание о Куохтане	5
На пороге	35
Без названия	137
Судьба народа славного	153
ЧГТ	251

Сказание о Куохтане

Затянувшаяся простуда выжала меня как лимон. Всё ещё час-тенько пробирала противная мелкая дрожь, которая выдавливала из тела капли холодного пота.

Вот и сейчас эта дрянь накатила, я почувствовал слабость в коленях, и мне пришлось сесть на скамейку, благо она была рядом. Автобуса было ждать ещё минут двадцать.

Старичок на другом конце скамьи недовольно покосился: похоже, я потревожил его сон. Я присмотрелся: грязноватый плащик, который, вероятно, когда-то был бежевого цвета, истёртая шляпа, как в тех старых фильмах с Аленом Делоном. Одежда, а также седые завитки обмякших и слипшихся волос, осунувшееся лицо — все признаки бездомного или сильно пьющего человеческого существа.

Я отвернулся и, вытащив пачку сигарет, закурил: главное, чтобы он сейчас не начал со мной беседу. Я достаточно прожил в этом городе и видел немало несчастных людей. Здесь,

по какой-то странной юридической причуде, а может, в целях экономии государственных средств, сумасшедших, классифицированных как «тихие» или «неопасные для общества», отпускали на все четыре стороны. Некоторые из них просто стояли на одном месте и, за неимением лучшего собеседника, часами разговаривали сами с собой. Одна женщина была известна в городе тем, что целыми днями наводила порядок на улицах, собирая пакеты и прочий мусор, критиковала водителей, если те не пропускали пешеходов, активно делилась своим мнением с прохожими или покупателями в супермаркете касательно качества городской жизни, организации сервиса и проч. Большинство ей не отвечали, однако «активистку» это не обескураживало. Были ещё наркоманы всех возрастов, свихнувшиеся представители разнообразных субкультур: все в пирсинге, с неизменными немецкими оварчарками на поводке или верёвке — собаки всегда исхудавшие, с опущенной мордой и в общем похожие на убитых жизнью хозяев.

Старичок завозился; я бросил взгляд в его сторону — так и есть: не вставая со скамьи и перебирая непослушными ногами в грязных, местами рваных кроссовках, он переползал поближе ко мне. Если бы я чувствовал себя лучше, я бы просто встал и отошёл в сторону. Ну что ж, придётся потерпеть похмельные откровения минут пятнадцать.

Он поперхнулся дважды, прежде чем ему удалось извлечь из пропитого горла какие-то звуки. Я не понял, он повторил немного чётче, и я наконец различил: «Добрый день, месье, не мог бы я попросить сигарету?»

Я молча достал пачку и протянул ему — там оставалась от силы пара сигарет. «Всего одну, месье...» — начал он, но я довольно сухо оборвал его: «Берите». — «Спасибо, месье...»

Я кивнул и, затянувшись, отвернулся.

Он потратил по меньшей мере три минуты, чтобы негнушимися пальцами вытащить одну сигарету. Медленно он заглянул в пачку и, убедившись, что там ещё что-то осталось, бережно убрал её в карман своего выдавшего вида пальто.

Некоторое время он просто курил, прикрывая глаза, и я уже было поздравил себя с тем, что мне удалось избежать разговора «за жизнь», но тут он словно проснулся, его глаза открылись, и, глядя прямо перед собой, он сказал довольно внятно: «Какой хороший день».

Я не отреагировал, внутренне молясь о том, чтобы автобус пришёл поскорее.

День и вправду был хорош — поздний октябрь, но тепло всё ещё не хотело уходить. Солнце грело мне щёку, и я с удовольствием впитывал это тепло, чувствуя себя, наверное, как игуана на камнях.

— Тогда была такая же осень. — Подумав немного, он добавил: — В тот год...

По крайней мере от меня не требовалось участия в разговоре, я начал поневоле прислушиваться.

— Вас тогда ещё здесь не было. Я слышу, что вы иностранец. Вы скажете, что догадаться несложно. Но я вам тогда отвечу, что я не только могу сказать, что вы не отсюда. Я могу довольно точно сказать, из какой части Европы вы приехали и что вы прожили здесь года три-четыре.

Я взглянул на него с любопытством: похоже, что это был не обычный старичок. «Откуда вы это знаете?» — сам собой вырвался у меня вопрос.

Он медленно повернул голову, посмотрел на меня — на секунду в его глазах промелькнуло нечто похожее на надменность и тут же исчезло, скрывшись за тяжёлой мутной

пеленой безнадежности, которая так часто встречается в глазах бездомных. Он отвернулся и вновь уставился в точку где-то на противоположной стороне улицы. Помолчал секунду и задребезжал вновь:

— Вы думаете, я обычный бездельник, всю жизнь проживший на пособие, алкоголик — негодный человек.

Внешняя вежливость — строгий обычай в этой стране, поэтому я поспешил прервать его: «Ни в коей мере, месье, я...»

Он продолжал, не слушая:

— Я не виню вас и сам так подумал бы, если бы всё ещё был тем, кем был раньше. Я работал в полицейском департаменте города. Занимался нелегальными и легальными иммигрантами — собаку съел на этом деле. Потому и определить на глаз, откуда человек, кто он, что он здесь делает и сколько пробыл в стране, мне не сложно. Натурализация — процесс долгий, занимает время, меняет сознание, привычки и ломает человека, конечно. Ну да что поделаешь, сам выбрал.

Тут он остановился, вытянул пачку, с некоторым колебанием вытащил последнюю сигарету, смял пачку, но не выбросил её, а неловким движением затолкал назад в карман.

— Да, осень стояла тёплая, день был прямо как сегодня и...

Конец фразы не поддавался расшифровке, так как именно в этот момент он прикуривал от исцарапанной красной зажигалки с надписью Rhino, смешно прищуривая при этом один глаз.

— Я тогда выехал с напарником по адресу — соседи донесли на какого-то парня, утверждали, что он нелегал. Мы были обязаны проверить подобные сведения, хоть большей частью они и оказывались пустышками, за исключением того случая, когда мы с Жан-Пьером случайно накрыли одного чёрного, который занимался расфасовкой кокаина в своей квартире.

Помню, нам ещё пришлось долго за ним гнаться — по садикам и через заборы, — он сиганул прямо с балкона второго этажа. В конце концов, я отобрал мотоцикл у какого-то парня, ждавшего с ним начала урока возле автошколы в Бельвю. На мотоцикле я того чёрного догнал — он запыхался настолько, что, когда я его толкнул, он просто упал на землю и так и лежал — хватал ртом воздух, как рыба на берегу. Вот. — Он остановился, словно прокручивая в голове невидимую киноплёнку фильма своей памяти, прокашлялся и неожиданно сильным голосом продолжил: — Вы, конечно, помните из статей в газетах и Интернете описание эпидемии особого гриппа, убившего несколько сотен людей в городе пять лет назад.

Я не ответил. Да, впрочем, он этого и не ждал — его мозг уже заправил киноплёнку в проектор, и мне подумалось, что он потому и сидит так, уставившись в точку, что кадры из прошлого мелькают перед его глазами.

— Так вот, мёртвых было не несколько сотен. Их было несколько тысяч. — Он затянулся окурком сигареты, отбросил его и взглянул на меня. Я автоматически полез за новой пачкой и, вытряхнув на ладонь несколько сигарет, протянул ему. Он взял их со странной смесью почтительности и надменности. Это был однозначно забавный старичок.

— Про это в газетах, конечно, не писали, и даже в Интернете не было ни слова. Как и о том, что ещё несколько тысяч скончались в течение нескольких дней позднее. Как власти кантона с этим справились — точно не знаю, но рты заткнули всем, кому можно. Вполне официально город был заблокирован, изолирован, объявлен заражённой зоной. Говорили, что власти обрезали все телефонные линии, линии Интернета. Полицию не привлекали — этим занимались армейцы. И это

я знаю наверняка — сам видел парней из Альпийской дивизии на блокпостах на выезде из города. Эти ребята — единственная по-настоящему боеспособная единица всей федеративной армии — настоящие животные, говорю вам. — Он снова отвлёкся, а затем продолжил: — Однажды нас вызвал владелец бара — я тогда ещё патрулировал улицы — с жалобой на нескольких «альпийцев» на отдыхе. Они начали крушить мебель, задирать посетителей бара и по ходу дела бить морды друг другу — не поделили девицу. Нас выехало пятнадцать человек на четырёх машинах, но — я буду не я — это нам не помогло: шестёрка «альпийцев» вооружилась своими ремнями, намотанными на руку, и крепко нас отделала. После этого они вывалились на улицу и продолжили вечер, а трое из нас попали в больницу.

Странная улыбка прорезалась под его нависшими клочьями белыми усами, как будто ему нравилась идея лежать в больнице после драки. Он помолчал, медленно помял в набухших пальцах очередную сигарету. Мне стало ясно, что ему нелегко было заставить память переключаться с сюжета на сюжет. В конце концов он справился, но, видимо, это усилие отобрало у него немало энергии, и его голос снова стал слабым и задребезжал, как старая пластинка.

— И мобильные не работали. Спутниковая связь, телевидение — все эти вещи были заглушены. Грипп! Чёрта с два! Это была официальная версия. Очень удачная. В тот год и вправду была эпидемия свиного гриппа. А в городе якобы вывелся особый, сверхопасный вид такого гриппа.

Я слушал с возрастающим интересом. Быть может, из этой трепни я смогу сделать статью или фельетон. Давненько шеф не выпускал мои вещи в печать, даже в районном издании. Жаль только, я не взял с собой диктофон.

Эпидемия, о которой говорил старичок, наделала в своё время немало шума, но он сошёл на нет почти сразу. И власти, безусловно, тому способствовали. Я напряг память. В Интернете тогда писали, что связь с городом была потеряна на несколько дней, что кто-то объяснял невозможностью осуществления технической поддержки в условиях полного карантина, кто-то — усилиями властей, пытавшихся избежать паники. По итогам эпидемии около восьмисот человек были объявлены умершими от вируса. Буквально через несколько дней тема исчерпала себя — её затмила новая гражданская война в России, разбившая страну на несколько частей и де-факто превратившая Дальний Восток в вассальное княжество Китая, не преминувшего воспользоваться ситуацией и введшего войска «с односторонней миротворческой миссией».

Старичок выпрямил сторбленную спину, точнее попытался, отчего снова стал выглядеть надменно:

— Не знаю, сколько человек умерло в тот год от гриппа, но то, что большинство мёртвых пришлось на то октябрьское воскресенье, тому я живой свидетель. Один из немногих живых.

Усмешка вновь приподняла его усы, только она получилась кривая.

— И большинство из них сидят в психбольнице в Живых Водах. Точнее лежат. И крепко привязаны ремнями.

Тут он захохотал, точнее заскрежетал — тихо и злорадно, я вздрогнул: в жизни не слышал подобного смеха. Он напоминал звук, издаваемый ржавым куском железа, который трет о камень, — только тише.

— С напарником мы подъехали туда сразу после полудня. Это в квартале Слияния — там, где сейчас стройка. Старые

дома обрушились — никто в них жить после того дня не хотел. Солнце вот так же слепило — знаете, такое же осеннее солнце, которое больше светит, чем даёт тепла. Поднялись на пятый, самый верхний этаж. Перед этим бросили монету — Жан-Пьер выиграл и поехал на лифте, а мне пришлось топтать пешком. Когда я поднялся, он уже разговаривал с соседкой нашего парня. Соседка нам посочувствовала. Сказала, что встретила нелегала на выходе из подъезда минут десять назад.

Мы ещё раз бросили монету — я опять проиграл, ха! — мне выпало выбежать на улицу и осмотреться, а Жан-Пьеру — ждать, удобно расположившись в квартире нашего «подопечного».

Я вышел из дома, остановился на маленьком перекрёстке и стал глядеть по сторонам. Поднял глаза на балкон, где только что стоял с Жан-Пьером, и увидел, что он машет мне руками, как семафор, и указывает куда-то в сторону реки.

И вправду, я увидел молодого человека, подпадавшего под описание того, кого мы искали. Среднего роста, тёмные волосы, нос с горбинкой, лицо слегка осунувшееся. Не поймёшь, не то музыкант, не то нарик. В руках пластиковый пакет из супермаркета — видно, ходил за жратвой. Этот балбес шёл прямо на меня. Я даже не стал дёргаться, просто решил стоять и ждать, пока он пересечёт улицу со стороны реки и подойдёт ко входу в дом.

И тут у меня голову, знаете ли, прихватило. Мы накануне отметили рождение ребёнка у сослуживца, и я решил было — ну вот, запоздалое похмелье, «с парашютом». Ну ничего, придётся потерпеть, думаю, сейчас этого скручу, посажу в машину, а потом по дороге в участок в аптеке прикуплю чего-нибудь.

Паренёк в то время как раз дошёл до середины перекрёстка. Тут он поднял глаза на меня — ну, мне так показалось — и застыл посредине улицы как вкопанный. Я рванул к нему, несмотря на то что башка трещала, — как же, счас ты от меня уйдёшь, милый. Чёрта с два!

И тут я увидел, на что пялился парень и, как догадался уже потом, на что мне махал Жан-Пьер. Сначала — тень. Я не обратил бы внимания, да облако набежало, мало ли. Но уж очень плотная тень была и двигалась слишком быстро. И тут по выражению лица паренька и по тому, куда он смотрел, я допёр, что его проблема — не я. Да и не в форме я был, не догадался бы он. Короче, не переставая бежать, посмотрел я вверх. Нервы у меня крепкие, это я вам сразу скажу, за годы работы в полиции насмотрелся я и повидал — куда уж больше. Ну в общем, это было похоже на большой шар с колючками — со всех сторон. Длинными колючками. Так что вместе оно было размером с хорошую пятиэтажку. Как представлю — даже сейчас дрожь пробирает.

Как я вам его опишу? Ну, представьте себе огромного ежа, которого накачали сжатым воздухом, так что он стал круглый, как мяч. Так вот, вместо морды — или что это у него было — торчал такой длинный крупный рог, ненамного длиннее, чем колючки, которыми оно было всё покрыто. И цвет у них такой — в жизни не видел такого цвета — фиолетово-розовый — светлее к концам колючек, темнее к основанию. Всё оно блестело, как будто было покрыто какой-то жидкостью или смазкой.

Не знаю как, но я сразу понял, что оно было живое. У него даже колючки — так — подрагивали всё время. Но хрупким оно не было: сам видел, как одна из колючек чиркнула по дому, что был у дороги, пока вся эта штука спускалась — так вот,

бетон раскрошился, и полквартиры на верхнем этаже вместе с балконом полетели вниз.

Как оно спускалось? Медленно, как воздушный шар.

Я, конечно, остановился, будто на стену налетел. Метрах в десяти от парня. Тут вся эта живая махина зависла метрах в пяти от дороги и стала поворачиваться носом как раз туда, где паренёк стоял. Медленно так крутилась. Неуклюже, как слон. А вот мне не смешно было. Оно задом задело всё тот же дом — и колючками «сбрило» его к чёртовой матери, только обломки и пыль с его «зада» посыпались. Я крики-то почти и не слышал за грохотом, да и голова-то трещала и так.

Тут оно застыло, и я как сейчас вижу: по колючкам-то его как волна пробежала — от «носа» и к «заду». И оно как выдохнуло в этот момент. В ту секунду мне голову как пилой разрезало, я даже руками за неё схватился — пощупать, развалилась она или нет. И тотчас же и вой раздался. Представляете себе, как слон трубит? Ну вот, соберите в одно стадо всех слонов Африки и заставьте их трубить всех вместе. Причём вой длинный такой был, местами даже не поймёшь — слышишь ты его или тебе кажется.

Ну вот, выдохнуло оно и стихло, голову вроде как отпустило. И через секунду я слышу такой же вой со стороны города Сардинии — по другую сторону реки. Поднимаю голову, смотрю — точно такая же тварь зависла в районе площади. И ещё один вой — со стороны малого района Свежего Воздуха, поворачиваюсь — так и есть, и там над холмом висит такой же шар. И ещё... Тут я считать перестал, но теперь на трезвую голову скажу: их не меньше десятка было. Официальных сводок не давали. Некому потому что было их делать.

Тут по этому шару опять волна побежала — я уже весь сжался заранее. Недаром — оно выдохнуло свой вой так, что

аж колючки затряслись. Было оно, начиная с самой низкой ноты, даже с инфразвука, и поднимаясь до ультразвука. Ноги у меня подкосились. От звука ли — голова трещала так, словно из неё мозг высасывали. И я чувствую, что силы из меня уходят. Смог всё же бросить взгляд на паренька — он-то ближе к гадине этой стоял, — ничего, трясётся, но стоит. Я тогда глазам не поверил. У меня, здоровяка, ноги отказали, а этот глист — стоит.

Тут оно в третий раз завывало, и мне в помутившуюся рассудком голову пришло, что оно похоже на насос, только качает он не воздух или что ещё, а мою боль. Жрёт меня живьём.

Я уже на земле лежу — между третьим и четвёртым его воем смотрю вверх на балкон и как сейчас вижу на нём Жан-Пьера — на коленях стоит, за голову одной рукой держится, а другой — за решётку ограды балкона. Тут тварь начинает выть, а Жан-Пьер вдруг выпрямляется, одной рукой выдёргивает «Глок» и быстро как молния нажимает курок, приставив его к виску. Так вот он умер. А ведь мой хороший товарищ был.

Вдруг вытьё прекратилось, я приподнялся, смотрю, оно продолжает поворачиваться, опять же, медленно так.

Я последние силёнки напряг, встал с земли, стою — оглядываюсь. Машина тут подъехала — водитель, понятно, не в себе, влетел вместе со своей тачкой прямо в одну из розовых иголок. Так вот, машину распороло надвое — вдоль иголки половинки машины и проскребли по асфальту. Я поглядел подальше — вижу, метрах в пятидесяти от меня на тротуаре лежит женщина, живая ещё, стонет, из ушей — кровь, из глаз — тоже ручьи, а рядом ребёнок, девочка лет шести, не шевелится уже. До смерти помнить буду.

Тут меня злость взяла, остатки сил в бешенство перешли. Выдернул я «Глок» из-под пиджака и выпустил все

тринадцать пуль в этот шар. Стою, щёлкаю курком пустого пистолета, а реакции от этой твари — ноль.

Тут я замечаю, что шар этот носом своим почти уткнулся пареньку в лицо. И только тогда до меня дошло, что парень-то в воздухе висит — прямо метрах в трёх над землёй. Руки — в стороны, но не висят, а разведены. Глядь — он глаза закрыл.

Я ещё подумал: «Счас оно его жрать будет». Но дальше смотреть некогда было — слышу винты вертолётные. Точно, над рекой, километрах в трёх, идёт двойка со стороны горы — там сразу у подножия-то и база была.

Но эти шары, видать, почували и взвыли как один — все, кроме того, возле которого я стоял. Я никогда б не подумал, что могу вынести такую головную боль. Один из пилотов всё же ракету успел пустить перед тем, как у него мозг взорвался. Только без толку. Ракету я видел — как подошла она вплотную к шару, тому, что был по ту сторону реки. И как зависла она у него и как потом просто упала вниз, как кусок рельсы какой-нибудь.

Но мне уже до фонаря было. Я только с одной мыслью боролся — как не вставить вторую обойму и не всадить первую же пулю себе в лоб. Странно только было. Эта тварь, как пареньком занялась, так и выть перестала. Ну зато остальные старались.

Секунд тридцать так прошло, может, минута. И вдруг я понял, что вытьё прекратилось. Голову вроде чуть-чуть отпустило. Я приподнялся на локте, и тут хлоп! — тело парня шмякнулось на асфальт, а я смотрю — шар-то отваливает. Я, ещё не веря удаче, встаю, схаркиваю кровь и вижу, что все эти шары над городом медленно вверх пошли — тогда-то я и посчитал их.

Я вытер лицо, посмотрел вокруг — та женщина лежала без движения рядом со своей дочкой. Единственное, что мне

пришло тогда в голову, что нужно ехать в участок. Это было механическое решение. Мне было в общем-то всё равно, что делать. Лишь бы делать что-то руками и ногами и дать голове отдых и время. Не мог я думать, понимаете? Жан-Пьер мёртв. Мир — не понятно, что с ним.

Паренька я решил взять с собой. Подошёл, пощупал пульс на шее — вроде живой и даже дышит. Поднял его — он совсем лёгкий оказался, килограммов пятьдесят максимум.

В общем, бросил я его тушку на заднее сиденье и поехал через город. Мёртвый город. Странное дело, я думал, чем дальше я от места, где сидела эта розово-фиолетовая тварь, тем больше будет уцелевших. А было так: первые метров сто попадались полуживые люди, пытающиеся прийти в себя. А затем была как мёртвая зона — на километр, не меньше. Посередине, то есть метров за пятьсот от места «прилёта», была самая мясорубка. Я не говорю о разбитых машинах, где водители потеряли контроль. Там были люди с разорвавшимися черепами, и у всех, почти у всех, тела ссохлись — руки и ноги торчали из одежды, что палки серо-белого цвета. Жуткое зрелище.

Странно это было — ехать так по родному городу, как после войны. Это было как видеть труп близкого человека. Ведь ещё час назад — когда я ехал в другую сторону — он был жив, дышал...

В общем, к центральному участку, что возле почты, я подъехал на автомате, как робот. Тут какое-то движение хоть было. Полицейские пытались наводить порядок, хотя куда там.

Остановился я просто посреди улицы, вышел, открыл заднюю дверь, стянул парня с сиденья на землю, и вот тут-то я от него и услышал в первый раз это слово. Я ещё помню, мне пришло в голову, что он что-то на своём родном языке сказал.

Он на секунду пришёл в себя, открыл глаза и выдохнул почти чётко: «Куоохтан...» Спокойно закрыл глаза и вырубился.

Старик взял последнюю сигарету из моей второй пачки. Я не заметил, что пропустил свой автобус. Его руки тряслись, и, проведя рукавом по лицу, он стёр слёзы, размазывая грязь.

Я понял, что он настоящий псих. Меня взяла досада, что я потерял столько времени. Разумеется, сделать из этого статью можно было и не надеяться. Шеф скорее меня самого отправит в дурдом.

— Вы зря думаете, что я сумасшедший, — вдруг ожил старичок. — И если хотите, поговорите с самим Власом. Парня так зовут. Или звали. Да, в Живых Водах он. Но если он с вами захочет говорить, вы поймёте, что всё, о чём я вам рассказал, не шутка. И что хоть властям очень не хочется верить в то, что случилось, на самом деле для них и всех союзников это загадка и проблема ещё та...

Не зная сам, что я тут делаю, я стоял в приёмной госпиталя Живых Вод.

— Так кто вы, говорите, ему? — Ассистентка, или как их здесь называют, смотрела на меня из-за стойки с повышенным интересом.

Я нервно пошевелил рукой в кармане, обхватывая пальцами сигареты, — нет, курить здесь нельзя.

— Родственник. Приехал из страны специально его увидеть. Наши семьи на Востоке жили вместе какое-то время.

Звучало несколько коряво, но она видит, что я тоже иностранец, может, пройдёт.

Тонкие пальцы без маникюра пробежались по клавиатуре. Принтер выдал одноразовый пропуск.